

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ БОЕВИК

ПРЕДИСЛОВИЕ

Несмотря на то что книга повествует в основном о российских разведчиках и контрразведчиках Первой мировой войны, я хотел бы вынести в предисловие слова бывшего начальника главного разведуправления Генерального штаба сухопутных войск фашистской Германии К. Теппельскирха, который после окончания Второй мировой войны писал: «...Определить хотя бы приблизительно военную мощь Советского Союза было почти невозможно. Шпионаж не находил для себя в Советском Союзе... никакого поля деятельности...» Я привел эти слова для того, чтобы читатель понял — таких выдающихся успехов советские разведчики и контрразведчики смогли достигнуть лишь благодаря тому, что после переворота 1917 года приняли за основу и в полном объеме осуществили все наработки своих коллег, офицеров российской императорской армии, выверенные на фронтах Первой мировой войны.

В начале XX века, несмотря на то что за рубежом уже в полной мере внедрялись новые принципы и идеи обеспечения военной безопасности, высшее руководство Российской империи продолжало поживать на лаврах прежних побед и явно недооценивало святая святых любого государственного строительства — систематической

и планомерной организации защиты внешней безопасности державы. Казалось, что все ждали какого-то импульса, толчка, чтобы эта необходимая для любой современной армии контрразведывательная деятельность стала предметом особой заботы государственных мужей России, облаченных в военные мундиры.

Поражение в Русско-японской войне, чему, кроме чисто военных причин, во многом способствовало и то, что японские шпионы буквально наводнили не только Дальний Восток, но и Центральную Россию, заставило высших правителей страны задуматься о значении контршпионской деятельности. После принятия ряда законов и постановлений российского правительства, перед Генеральным штабом российской императорской армии, который постоянно будировал эту тему, стала очередная, с трудом разрешимая проблема — кадровая. Конечно же, ближе всего к военной контрразведке были разведчики, которые по долгу своей службы зачастую выявляли шпионов, но это им в заслугу никогда не ставилось. Перед разведкой российского Генштаба стояли более глобальные задачи, чем поиск и задержание шпионов. Генерал-квартирмейстерская служба занималась не только агентурной разведкой, но и ликвидацией «белых пятен» на карте Российской империи. Многочисленные экспедиционные отряды, возглавляемые офицерами Генерального штаба, не только устанавливали пограничные знаки, возводили пограничные крепости, защищали иноверцев — подданных Ак-паши (Белого царя) в самых отдаленных и высокогорных уголках Памира, но и вели геодезические и географические исследования, внося свой достойный вклад в российскую науку.

Все знают о выдающихся заслугах ученых-географов Николая Михайловича Пржевальского, Андрея Евгеньевича Снесарева, Михаила Ивановича Венюкова, Владимира Клавдиевича Арсеньева, об исследователях Памира Михаиле Дмитриевиче Скобелеве, Лавре Георгиевиче

Корнилове и многих других, но мало кто знает, что все они прежде всего были офицерами Генерального штаба российской императорской армии и выполняли секретные задания высшего командования. В тайные задачи военных экспедиционных отрядов, которые они возглавляли, входило не только изучение окраин Российской империи с геополитическими и военными целями, но и противодействие любым посягательствам враждебных спецслужб. Ведь ни для кого не секрет, что параллельно с русскими Памир и Припамирье глубоко и настойчиво изучала и британская Секрет интеллидженс сервис, главный организатор «Большой игры», основной целью которой было — закрыть для русских выход к границам главной жемчужины в короне Британской империи — Индии. Для этого британские разведчики и их подручные, наводнившие Северную Индию (нынешний Пакистан), не брезговали ничем. Путем подкупа князьков многочисленных граничащих с Россией территорий они всячески пытались взбунтовать горские народы. Точно так же, как позже на Ближнем Востоке они подняли против союзника Германии — Османской империи аравийские племена. И то, что англичанам в большинстве своем так и не удалось осуществить свои враждебные планы, во многом заслуга офицеров генерал-квартирмейстерской службы российского Генштаба, которые зачастую с риском для жизни не только с честью исполняли свой воинский долг, но и в случае острой необходимости брали на себя ответственность и за решение чисто геополитических вопросов. Это благодаря им многие княжества Припамирья до их полного порабощения дружественно относились к России и никогда не покушались на целостность российских границ.

Накануне Первой мировой войны в высших кругах Российской империи считалось, что иностранный шпионаж как постоянно действующий фактор в международных делах можно нейтрализовать традиционными сред-

ствами: совершенствованием системы засекречивания документов государственной важности и политической полицией, и только внезапно нахлынувший поток шпионских дел, большинство из которых рассыпались в судах за недоказанностью, заставил Генштаб активизировать контршпионскую деятельность. Лучшим армейским разведчикам пришлось вплотную заняться явно запущенной отраслью. Лишь за три года до начала войны военный министр В. А. Сухомлинов утвердил два важнейших документа по контрразведке — «Положение о контрразведывательных органах» и «Инструкцию начальникам контрразведывательных органов». Ведущая роль в разработке этих документов принадлежала, конечно, ответственным военным специалистам по разведке и контрразведке западных военных округов, среди которых приоритетными считались суждения Генерального штаба полковника Батюшина Николая Степановича. Это был блестящий разведчик, тайная агентура которого добыла в Германии и Австро-Венгрии не один десяток важнейших вражеских стратегических секретов и планов. Он не сразу принял предложение посвятить свою жизнь ловле шпионов. Это и понятно, ведь большинство офицеров российской императорской армии к этой сфере деятельности, которой в большинстве своем занимались жандармы, относились с презрением, граничащим с вызовом. Только прекрасное знание обстановки на западных границах Отечества российского и высокое чувство долга подвигли его на эту неблагодарную и непрезентабельную для кадрового офицера работу.

Вскоре полковник Батюшин стал известной фигурой и по ту сторону границ. Его оппоненты, противники, враги — австрийские и германские руководители спецслужб — узнали его мертвую хватку разведчика, масштабность и последовательность его действий. «Кипучую деятельность» Батюшина впоследствии признал не только шеф австро-венгерской контрразведки Максимилиан

Ронге, который в своих мемуарах откровенно признался: «Ни себе, ни нам он не дает возможности расслабиться ни на один день», но и руководитель германской разведки Вальтер Николаи, который с началом войны по указанию германского Генштаба даже пытался устранить российского контрразведчика физически, засылая за линию фронта наемных убийц. И все же одного, и даже нескольких таких подвижников, было слишком мало, чтобы разведочные отделения, так назывались контрразведывательные подразделения, заработали в полную меру.

По взглядам российского Генштаба, разработавшего стратегию ведения войны, она предполагалась быть достаточно маневренной и скоротечной. Разгром противника мыслился в ходе нескольких крупных сражений уже в 1914 году, в крайнем случае — к весне 1915 года. Поэтому роль контрразведки сводилась в основном к защите секретных мобилизационных планов, стратегических и тактических замыслов проведения боевых действий, особенно на начальном, решающем этапе войны, и сбережению сведений о новых образцах военной техники. С сожалением необходимо констатировать, что не только на начальном этапе, но и за весь период войны российская контрразведка так и не смогла обеспечить защиту совершенно секретной информации, распространяемой с помощью радиотелеграфных средств. Войсковое командование в силу новизны этого дела, а иногда по самонадеянности и глупости не могло и подумать, что к защите этого вида коммуникаций надо своевременно подключить контрразведку. Много лет спустя Батюшин с горечью скажет: «Почти весь первый год войны контрразведкой никто из высших военных органов не интересовался, и она поэтому велась бессистемно, чтобы не сказать спустя рукава». Наверное и поэтому славная российская армия терпела одно поражение за другим.

И только если на отдельных участках фронта вопросы военной контрразведки занимались глубоко и целе-

направленно, а не от случая к случаю, то результат там, как правило, был на лицо! Это благодаря работе военной контрразведки были в строжайшей тайне от противника подготовлены и проведены Лодзинская операция и «Брусилловский прорыв», а также ряд боев местного значения, о которых в истории Великой войны, даже не упоминается.

Почти через десять лет после начала Великой войны, в январе 1924 года, состоялась встреча «трех китов» руководства спецслужб начала XX века — Макса Ронге, Вальтера Николаи и Николая Батюшина. Она не протоколировалась, ведь разведчики, даже в отставке, умеют хранить свои тайны. Однако в дневниковой записи Вальтера Николаи сохранилось краткое описание этой встречи. Она проходила по просьбе Николая Батюшина. «Встреча была назначена на середину января в Вене, — пишет Николаи. — На второй день на нее прибыл также бывший шеф австрийской службы разведки Макс Ронге, в настоящее время он работает на важном посту в Министерстве внутренних дел, это назначение он получил в качестве награды за свои заслуги в войне». Это была встреча и беседа трех знаковых фигур в истории спецслужб. Судя по дневниковым записям, она касалась в основном вопросов истории разведки, все остальные аспекты деятельности самых сильных спецслужб Европы, как и положено, остались за завесой, прикрывающей разведку и контрразведку непроницаемой тайной. Даже по окончании Второй мировой войны всемогущим органам НКВД не удалось выведать у попавшего к ним в руки бывшего руководителя германской разведки, полковника Николаи, о чем же в самом деле говорили «киты разведки» в том далеком, 1924 году.

Начиная это историческое повествование о Великой войне, так о ней говорили в Европе, или об «империалистической войне», так ее окрестили в Советской России, я задался целью рассказать не только о предыстории и не-

МГНОВЕНИЕ ИСТИНЫ. *В августе сорок четвертого*

которых наиболее ярких эпизодах этой войны, о которых мы до сих пор знаем лишь понаслышке, но и о доблести русских солдат и офицеров, которым в полной мере пришлось хлебнуть военного лиха из-за бездарности генералов и неподготовленности российских спецслужб. Несмотря ни на что, эта тема и сегодня достаточно актуальна и прежде всего потому, что процесс формирования российской разведки, а затем и контрразведки зарубежные историки не могут или не хотят представлять своим доверчивым читателям правдиво, не вспоминая ничего иного, кроме как об опричнине и петровском Преображенском приказе, что имеет лишь опосредованное отношение к деятельности российских спецслужб. Для них воистину: медведи до сих пор непуганы гуляют по столичным проспектам России и «песьи головы» ведут хоровод на Лубянской площади. Эти «страшилки», оказывается, не исчезли до сих пор, как и русофобия в самом незамысловатом обличье вообще. А об истинной истории российских спецслужб и о блестящих успехах органов безопасности Советского Союза и современной России они, как и прежде, умалчивают.

Петроградское небо мутилось дождем,
На войну уходил эшелон.
Без конца — взвод за взводом и штык за штыком
Наполнял за вагоном вагон...

Александр Блок

ГЛАВА I

Варшава — Петербург. Апрель 1913 г.

1

генерального штаба полковник Евгений Евграфович Баташов, возглавлявший разведывательный отдел штаба Варшавского военного округа, слыл среди штабных человеком прямодушным и в меру терпеливым.

Среднего роста, широкоплечий, с длинными руками, он отличался крепким телосложением человека, привыкшего переносить суровые лишения венной службы или усталость на псовой охоте. Широкое лицо его, обрамленное короткими русыми волосами, ниспадающими ровным пробором на крупный лоб, под которым за густыми бровями сияли крупные голубые глаза, в которых блистали гордость и постоянная настороженность, потому что этот человек большую часть своей жизни упорно добывал военные секреты потенциального противника и с меньшим упорством защищал свои армейские тайны.

Баташов уже было закончил изучение донесений своих наиболее ценных агентов, когда к нему в кабинет заглянул генерал-квартирмейстер Постовский, худой, суетливый генерал, который с порога огорошил его словами:

— Евгений Евграфович, завтра мы выезжаем в Петербург!

— К чему такая срочность? — спросил удивленно Баташов. — У меня в разработке несколько неотложных дел.

— Приказ начальника Генерального штаба Янушкевича, — безапелляционно объявил Постовский, — предстоит очередное совещание по нашему ведомству.

В главном управлении Генерального штаба российской императорской армии, куда были приглашены руководители разведки западных приграничных военных округов, шел разговор о необходимости усиления контрразведывательной деятельности против разведки срединных империй — Германии и Австро-Венгрии.

Мнения были самые противоположные. От передачи контрразведывательных функций жандармским охранным отделением до формирования самостоятельных органов, независимых от МВД. Этот серьезный разговор между профессионалами разведки состоялся после очередного скандала, связанного с бегством германского шпиона, выкравшего из штаба одного из округов карту с расположением воинских частей.

— До каких пор все это может продолжаться? — возмутился генерал-квартирмейстер штаба Виленского военного округа. — Ведь уже почти пять лет прошло с тех пор, как высокая правительственная комиссия единодушно признала необходимость учреждения особого контрразведывательного органа, но, как говорится, воз и ныне там. Формирование отделений военной контрразведки идет слишком медленно...

— Тут уж ничего не попишешь, — отозвался обер-квартирмейстер Генерального штаба генерал Монкевиц, — где взять специалистов, способных противостоять шпионам? Да и средств, выделенных на это дело, явно не хватает. Не хочу быть голословным, скажу только, что в нынешнем году на формирование контрразведывательных отделений военных округов выделено немногим более 230 тысяч рублей...

— А я слышал, что только на содержание конюшен Генерального штаба в прошлом году было выделено пол-

миллиона рублей, — с горечью в голосе промолвил генерал Постовский, — а коней-то там много меньше, чем контрразведчиков...

Офицеры возмущенно заспорили по этому поводу, перебивая друг друга.

— Господа, разрешите высказать предложение, каким образом можно пополнить свой бюджет, — подал голос Генерального штаба полковник Баташов, желая прекратить ненужный спор, — необходимо совместить в своей контрразведывательной работе полезное с приятным. Ведь ни для кого не секрет, что разведки враждебных нам стран затрачивают немалые средства для добывания наших секретов. Так давайте же поможем им...

Услышав такое предложение, офицеры удивленно уставились на полковника, явно недоумевая, как такое могло прийти ему в голову.

— Я предлагаю довольно оригинальный план введения в заблуждение наших противников. Например, проинформировать штабную игру в нашем Генеральном штабе, взяв за основание ложные стратегические исходные данные, а затем широко торговать этими документами, выдавая их за материалы нашего действительного развертывания армий в случае войны. Если торговля этими фиктивными документами будет вестись всеми заинтересованными военными округами, то в Генеральном штабе противника почти что невозможно будет отличить в массе приобретаемых документов подлинные от фиктивных...

Все молча перебаривали сказанное, но из субординации никто не проронил ни слова. Все ждали, что на это скажет генерал Монкевиц.

— Шпионы были, есть и будут, потому что нет такой тайны, которую бы невозможно было раскрыть, поэтому главная задача контрразведки — сделать все для того, чтобы противник узнал о наших замыслах как можно позже, — сказал задумчиво генерал, — а то, что предлагает полковник Баташов, конечно, заманчиво, но я думаю, что